

Простые истины

Simple truths

Мерцалов В.Л.

Канд. филос. наук, Автор книг «Происхождение человека еще не завершено. (Логика антропогенеза)» (СПб.: Алетейя, 2008, 2011), «Происхождение времени и пространства. Философский анализ через призму диалектической логики» (М.: Ленанд, 2017), более 30 статей.
e-mail: mertsalov50@mail.ru

Mertsalov V.L.

Ph.D. in Philosophy, author of the books "The origin of man is not yet complete. (The Logic of Anthropogenesis)" (St. Petersburg: Aleteya, 2008, 2011), "The Origin of Time and Space. Philosophical analysis through the prism of dialectical logic" (Moscow: Lenand, 2017), more than 30 articles.
e-mail: mertsalov50@mail.ru

Аннотация

Русло истории вымощено законами, не зависящими от человеческого сознания. Все, что им противоречит, ее течением смывается в прошлое, в небытие. В настоящее время в обществе еще сохраняются институты, выглядящие незыблемыми, но уже обреченные. Один из них – институт налогообложения. Осознание факта его неизбежного отмирания за счет замены безналоговой системой финансирования бюджета и последствий этого события в не столь отдаленной перспективе является важным условием определения пути общественного развития.

Ключевые слова: социальная философия, налоговая система, собственность, будущее, безналоговая модель, общество, свобода, демократия, власть, частная собственность.

Abstract

The channel of history is paved with laws that do not depend on human consciousness. Everything that contradicts them is washed away by its current into the past, into oblivion. At present, society still retains institutions that look unshakable, but are already doomed. One of them is the institution of taxation. Awareness of the fact of its inevitable extinction due to its replacement with a tax-free mechanism for financing the budget and the consequences of this event in the not so distant future is an important condition for determining the path of social development.

Keywords: social philosophy, tax system, property, future, tax-free model, society, freedom, democracy, power, private property.

Будущее неотвратимо. И в этом смысле надежно предсказуемо.

Человечество – это ведь часть природы, и ход его истории подчиняется таким же объективным, независимым от воли людей законам, какие управляют и всеми остальными происходящими в ней процессами – материальным законам общественного бытия. Непреодолимую силу этих законов демонстрирует история смены общественно-экономических систем. Сознывая их, можно достаточно надежно прочертить траекторию развития общества на перспективу. А в ней обнаруживается событие, никак не учитываемое в программных экономических документах и исследованиях – освобождение общества от налоговой системы.

Освобождение не за счет ее директивного упразднения, а вследствие ее естественного отмирания при переходе на иную, более эффективную систему финансирования бюджета.

Уровень зрелости общества определяется в первую очередь характером отношений людей в сфере производства и потребления, в своей основе представляющие собой отношения собственности. В марксистской теории они именуется «базисом», над которым образуется идеологическая (политическая, юридическая, культурная и пр.) «надстройка». Базис общества не создается ни чьей волей, он формируется стихийно. Надстройка же, напротив, во многом искусственна, и в том своем содержании, в котором противоречит базису, со временем оказывается обречена на перемены. Таким образом, чтобы узнать будущее, достаточно выявить конфликт между базисом и надстройкой, оценить его характер и, исходя из этого, определить направление грядущих перемен. Такой анализ, учитывая объективную природу базиса, не связан ни с гаданием, ни с пророчеством, но способен, при корректном его осуществлении, предсказать результат разрешения этого конфликта почти столь же надежно, как результат какого-нибудь физического процесса, когда известны законы его протекания.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Общественный базис, как известно, образует совокупность отношений людей, складывающихся в процессе производства и потребления создаваемых этими людьми благ. В первую очередь, это отношения собственности. Что они представляют собой? Или, иначе, что такое «собственность» как общественное отношение?

Казалось бы, вопрос не сложный. Но неожиданно именно тут, с порога, мы встречаемся с первой трудностью. В современной литературе нет сколько-нибудь внятного определения этого термина. В лучшем случае его трактовка сводится к изложению содержания **права** собственности. Но право – категория надстроечная, право собственности, признаваемое за кем-то, служит лишь отражением того объективного признака человека, который отличает его от остальных людей. А что представляет собой сам этот признак? Он очевиден, издревле известен, но почему-то выпадает из поля зрения теоретиков собственности.

Начнем с простой истины: от рождения человек не принадлежит никому, кроме самого себя. (Впрочем, в дикой природе этот закон распространяется на все живое. Человеку же, высшему существу, понадобились столетия цивилизационной эволюции, чтобы сформулировать его в первой статье «Всеобщей декларации прав человека»: «Все люди рождаются свободными...»). Руки, ноги, голова человека принадлежат ему, а не кому-то другому. О его движениях, его поведении, всей его деятельности, как физической, так и умственной, мы судим как о «его деятельности», а не чьей-то еще. Равным образом и продукт этой деятельности является продуктом именно его деятельности – его продуктом. Это трюизм, никак не связанный ни с каким умозрительным представлением о собственности. Стихийное отношение к нему других людей по поводу его продукта, отношение, отличающее его от других людей **как создателя данного продукта**, и есть **объективное** отношение собственности. Впрочем, в первобытной общине, члены которой еще не умели отличать себя друг от друга, это отношение проявлялось лишь в межобщинных контактах, но с обретением человеком самосознания, своего «Я», собственность стала признаком каждого в отдельности – частной собственностью. Такова она по своему происхождению, которое – пока она существует – определяет и ее объективное содержание.

Итак, изначально собственность есть то специфическое отношение людей по поводу создаваемых ими предметов потребления, в котором обнаруживается и реализуется отличие человека, создавшего данный предмет, от остальных. Данный предмет произведен данным человеком, это **его** предмет, в этом смысле – его **собственность**. Это объективный факт. Но поскольку этот предмет может быть присвоен, потреблен, использован и другими людьми, общество должно определить, за кем следует признавать такие полномочия. Признавая, что только его творец может поступать с ним, как сочтет нужным, общество тем самым признает за ним и **право** собственности на этот предмет. Право определяется волей людей, поэтому представляет собой признак **субъективный**. По воле общества право на предмет может быть вручено, вообще говоря, кому угодно. Наделяя им творца данного предмета, являющегося его собственником объективно, общество всего лишь следует указанию природы. Приобретая его, объективный собственник делается носителем и субъективного права собственности – полноценным собственником.

В человеческой истории нам известны две объективные «ипостаси» этого отношения, две формы осуществления собственности, не зависящие от воли людей: в общине, где человек не отличает себя от других, она представлена, как уже сказано, общественной собственностью, обнаруживающей себя в межобщинных отношениях; в обществе, в котором человек сознает собственное «Я» - частной собственностью. **Никакой другой, кроме как частной, собственность быть не может.**

Очевидно, что последнее утверждение ничуть не противоречит тому факту, что многие предметы потребления создаются коллективным трудом, который, казалось бы, должен предполагать и наличие иной, коллективной собственности. Но «коллективная собственность» - понятие весьма условное. Отношения людей в группе, организованной процессом производства некоего конечного продукта, в сущности, ничем не отличаются от отношений разрозненных собственников, не образующих никакого производственного коллектива, действующих в своих интересах и независимо друг от друга. В коллективном производстве продукт труда каждого работника является продуктом потребления другого работника, занятого следующей операцией в технологической цепочке, имеющей целью создание конечного продукта. Но точно так же продукт труда обособленного собственника, будучи вынесен на рынок, служит предметом потребления любого члена общества в его деятельности, имеющей целью создание собственного продукта. Так, скажем, независимый изготовитель красок использует в своем производстве продукцию независимого производителя масел, а его краска служит предметом потребления независимого от них обоих художника для создания конечного продукта – картины. Последовательность операций каждого из них тоже образует технологическую цепочку создания картины. Таковую же, как если бы они были объединены в один производственный коллектив, как если бы картина составляла конечную цель их деятельности. Но их разрозненность иллюстрирует тот факт, что «коллективная собственность» есть лишь условное обозначение продукта труда частных собственников, формально объединенных в одной производственной организации, в отличие от таких же частных собственников, формально совершенно независимых друг от друга. Таким образом, «коллективная собственность» – это не определение какого-то особого вида собственности, отличной от частной, а всего лишь указание на наличие формального союза частных собственников. Ее можно назвать «формой собственности», учитывая ее формальный характер, но ее содержание – **собственность**, формой которой она в этом случае является, – остается все тем же, а именно – частной собственностью. Всякая коллективная (акционерная,

корпоративная, общественная и пр.) собственность есть не более чем та или иная **номинальная форма** одного и того же своего **реального содержания** – частной собственности.

Повторим: собственность не существует иначе, как будучи атрибутом субъекта собственности. Без субъекта нет и собственности. А этим субъектом не может служить абстрактный, умозрительный персонаж, вроде «юридического лица». Им всегда является наделенный потребностями реальный, живой, конкретный человек. Никакой другой собственности, кроме собственности человека, т.е. частной собственности в природе не существует.

Очевидно, что **частная собственность** и свобода человека находятся в теснейшей зависимости одна от другой, что и отражено в упомянутой статье «Всеобщей декларации прав человека». Человек свободен, пока общество признает за ним право принадлежать только самому себе, признает, что ему принадлежит не только его тело, но и его мысли, и его деятельность, следовательно, и результаты этой деятельности, т.е. пока признает в нем частного собственника. Именно **неприкосновенность частной собственности служит материальной гарантией неприкосновенности свободы человека.**

Это старая, хорошо известная, но, кажется, весьма подзабытая истина. Подзабытая, видимо, и потому что слишком простая, и потому, что слишком расходится с окружающей действительностью.

В самом деле, кому в современном мире принадлежит все то, что создает человек, каждый и все люди вместе, все общество – весь национальный продукт? Этим людям, самому обществу? Отнюдь! На него в его денежном выражении изначально накладывает руку государство, обязывая граждан отдать ему часть произведенной ими стоимости. Инструментом такого изъятия служит **налоговая система**. А право на такое изъятие дается государству самим обществом, признающим налоговый закон.

Налоговая система представляет собой инструмент распределения национального продукта между обществом и государством. Причем, именно государство решает, какую его долю оно позволит гражданам оставить себе в собственности, а какую определит забрать в казну. Именно оно делит пирог национального продукта – этот ломоть себе, а этот, оставшийся, обществу. Подчеркнем: оно делит весь этот пирог, все, создаваемое людьми, все, до последнего грошика (если только этот грошик гражданину не удастся спрятать от глаз государства где-нибудь в «тени»). Захочет – путем «налогового маневра» на завтра кому-то отмерит чуть больший кусок, кому-то урежет, сделает кого-то богаче, кого-то беднее. Но это только и означает, что все, чем располагает гражданин сегодня, на самом деле принадлежит не ему и контролируется не им, а государством. Кто же в этих обстоятельствах является хозяином пирога? Кто его собственник?

Ответ очевиден, но очевидна и его абсурдность. Получается, что та часть юридической надстройки, которая регламентирует хозяйственную деятельность в стране, а это в первую очередь Гражданский кодекс, оказывается не просто в противоречии с материальным базисом общества, но как бы и вовсе независимым от него. Будто человек вообразил себя демиургом, наделенным силой самому создавать законы своего бытия невзирая на законы, диктуемые ему его происхождением и естеством, вопреки законам природы. А общество согласилось подчиняться этим фантазийным законам под угрозой наказания за уклонение от них. Источником условной собственности гражданина и всего общества оказывается **не труд**, совершаемый человеком, а **воля государства**. Действительная же собственность на весь без изъятия национальный продукт отдается в руки государства, не являющегося его творцом. В этой конструкции

все перевернуто с ног на голову! Собственность, как экономический институт, оказывается лишена своего естественного основания, а как институт юридический, как право собственности, – ничем не защищенной от произвола государства. Место частной собственности, самой природой, положенной в основание общественного строя, заступает собственность государственная.

Но что такое «государственная собственность»?

В реальном мире статус собственника человек приобретает за счет признания факта – материального, неоспоримого факта – создания этим человеком предмета собственности. А государство? Оно не является человеком, не является вообще телесным существом. Оно, так сказать, незримо и сверхчувственно. Ему не пожать руку, не сыграть с ним в футбол. Оно – персонаж умозрительный, пребывающий лишь в пространстве человеческого сознания. В его реальное существование можно только верить, тем более что эта вера поддерживается введением государства в круг правосубъектных лиц (впрочем, к чести Уголовного кодекса РФ, в отличие от подобных кодексов многих стран и от Гражданского кодекса РФ, он этого юридического абсурда избежал). А эта вера, по сути, есть не что иное, как современный вариант язычества – правового язычества, – которым заражена надстройка, оторвавшаяся от базиса. Она основывается на вере в невидимое и всемогущее государство, внушенной обществу жрецами его культа, и только эта вера заставляет народ испытывать убежденность в существовании государственной собственности.

Заметим, что этот вывод ничуть не умаляет значения государства и важности его роли в организации общественной жизни, как это кому-то может показаться. Напротив, он позволяет избавиться от тех ложных представлений о государстве, которым оно при всем желании общества не способно отвечать. Но к назначению государства и к его функциям мы еще вернемся ниже. В данном же случае нас интересует только вопрос о том, как трактуется категория собственности современной юридической теорией, допускающей наделение правом собственности фантомных лиц.

Обратимся к «священному писанию» всякого хозяйствующего субъекта – к Гражданскому кодексу. Как определяется право собственности в этом своде законов о собственности? Никак! Впрочем, в нем имеется ст. 209 «Содержание права собственности», в которой утверждается: «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом» (ч. 1). Эти три правомочия, как можно понять, и составляют содержание данного права: если субъект обладает ими, то он – собственник, если не обладает – то нет. Но уже в следующей части этой статьи читаем: всякое лицо может передать «другим лицам... права владения, пользования и распоряжения имуществом, ...оставаясь собственником» (ч.2). Вот те на! Чем же тогда собственник отличается от несобственника? Удивительная статья! Оказывается, из права собственности можно извлечь все его содержание, не причинив ему никакого ущерба!

А каково содержание самих этих правомочий? В Кодексе об этом ни слова. Поэтому, ввиду ограниченности места в статье, за ответом обратимся сразу к наиболее репрезентативному источнику, представляющему господствующее в юридической среде воззрение на тот счет – к Большой юридической энциклопедии. Вот что говорится в ней о трех правомочиях собственника: «Владение – в гражданском праве – одна из форм права собственности; фактическое обладание вещью, создающее для обладателя возможность непосредственного воздействия на вещь»; «Распоряжение – в праве РФ: одно из правомочий собственника вещи, позволяющее включать ее в экономический оборот путем совершения таких распорядительных сделок, как купля-продажа, мена, поставка, дарение и др.»; «Пользование – одно из основных правомочий

собственника. Заключается в праве потребления вещи в зависимости от ее назначения (эксплуатация имущества, получение плодов и доходов, приносимых им, и др.)» [1].

Но что можно понять из этих определений? Пожалуй, только то, что, во-первых, между этими правомочиями нет никакого различия. Действительно, что такое «потребление вещи» (т.е. пользование), как не «фактическое обладание вещью» (т.е. владение)? Разве «эксплуатация имущества» (пользование) не означает включение этого имущества в «экономический оборот» (распоряжение), а «продажа» имущества (распоряжение) – «получение доходов» от него (пользование)? И что такое «дарение» (распоряжение) как не акт «воздействия на вещь» (владение)? Из этого следует, во-вторых, что названия этих правомочий можно произвольно переименовывать (например, «владение» называть «пользованием», а «пользование» – «распоряжением») и от этого ничуть не изменится исходное представление о них. Иначе говоря, их содержание можно «переливать» из одного в другое и как угодно смешивать, обнаруживая при этом совершенное безразличие этих юридических терминов к своему содержанию, полную независимость от смысла, вкладываемого в них, т.е. их демонстративную бессмысленность. Наконец, в-третьих, где же здесь общество? Где здесь собственность как «общественное отношение», как «производственные отношения» людей друг к другу по поводу вещей, а не людей к вещам? В них мы видим указание лишь на связь человека с вещью («непосредственное воздействие», «потребление» и т.п.), другие же люди остаются в тени и фигурируют только намеком, как предполагаемые партнеры в «сделках купли-продажи» или «дарения».

Все это дает повод заключить, что названные правомочия не имеют ничего общего с реальным отношением собственности. Их содержание искусственно, надуманно, фальшиво. Они – карикатура, причем карикатура неряшливая, корявая, даже эстетически неприглядная.

Так обстоит дело с теоретическим осмыслением фундаментального, базового общественного отношения. В правовой литературе нет его истолкования в качестве объективного, независящего от воли людей отношения, поэтому нет и в качестве хоть сколько-нибудь связной, логически непротиворечивой юридической нормы. Надо ли удивляться тому, что столь же рыхлой и невразумительной представлена в юридической надстройке и вся в целом концепция «юридического лица» в роли собственника, в том числе концепция «государственной собственности». Все «собственники» такого рода – **персонажи надуманные, искусственные и нежизнеспособные.**

Это утверждение, надо полагать, многим покажется избыточно категоричным. Спор о природе юридических лиц ведется давно и до сих пор не имеет окончательного решения. Точку в нем должна поставить практика. А на практике ситуация такова: в основание (базис) общественных отношений природой заложена частная собственность, а в юридической надстройке, в которой она должна была бы отразиться в виде права частной собственности, ее, частной собственности, – если не считать ее лишнего смысла и силы декларирования, – нет. Такого права нет ни у одного физического лица. **Оно полностью подменяется и подминается государственной собственностью, опирающейся на налоговую систему.** Нормы этой системы доминируют над всеми остальными нормами права.

В самом деле, Конституция РФ вменяет уплату налогов в обязанность **гражданина** (ст. 57). Но Налоговый кодекс вносит свою «поправку» в Основной закон: платить должен не гражданин, а «налоговый агент», т.е. организация, в которой гражданин работает. Именно «агент» обязан «исчислить, удержать у

налогоплательщика и уплатить сумму налога» вместо гражданина (ст. 24, 226 НК РФ). Неважно, что тем самым такой платеж совершается агентом **за другое лицо**, его к тому не уполномочивавшее, что совершается **из средств, не составляющих его, «агента», собственности**, следовательно, вообще **не может быть признан налоговым платежом**, – главное в этой практике то, что государство через этого «агента» отбирает себе часть средств, заработанных гражданином, **еще до того**, как эти средства станут «собственностью» гражданина, наглядно демонстрируя, что его средства изначально принадлежат именно государству и только оно решает, как их поделить, сколько взять себе, а сколько оставить гражданину в виде его «частной собственности»; что именно оно, государство, а вовсе не труд гражданина, является источником его «собственности». И никакой суд не станет на сторону гражданина в его споре с государством **за право на исполнение своего конституционного долга**, никакой суд не позволит платить налог **ему самому**.

Конституция РФ обещает охранять законом право частной собственности. И гарантирует гражданину предварительное и равноценное возмещение в случае «принудительного отчуждения имущества для государственных нужд» (ст. 35). Но ведь налог – это и есть «принудительное отчуждение имущества для государственных нужд». Однако никакому возмещению его взимание не подлежит. Почему? Потому что санкционируется Налоговым кодексом. А он выше и сильнее Основного закона. Достаточно назвать «отчуждение имущества» гражданина «налогом», как оно делается «безвозмездным». В каких бы размерах ни осуществлялось. И никакой суд даже не примет иск гражданина, мотивированный нормой Конституции, подтвердив тем самым, что на деле средствами гражданина владеет не он сам, а государство, что «право частной собственности» - не более чем фраза на бумаге, а на деле есть только «государственная собственность», хотя... хотя ее как таковой и не существует.

Таковым является положение вещей не только в России, но и во всех концах света, по всему миру. **Права частной собственности (равно как и какой-либо иной) нет нигде, где действует налоговая система**. Есть только его юридическая мистификация, иллюзия, не более того. На деле есть только государственная собственность. Как будто сбылась мечта основоположников марксизма: «...Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» [2, с. 438], будто революционная идея одержала окончательную победу и человечество уже «живет при коммунизме». При том общественном строе, при котором выкорчевано само его основание, его базис, – объективное производственное отношение.

Абсурд? Конечно, но иначе и быть не может. Абсурдна сама идеология налоговой системы. Отсюда и абсурдность создаваемой ею реальности.

Действительно, налоговая система представляет собой инструмент **принудительного** финансирования бюджета и регулирования течения хозяйственной деятельности – процесса, сторонами которого выступают государство и общество. Обратим внимание: из этих двух сторон в полноценном обеспечении государства и в управлении национальной экономикой заинтересовано как раз общество, а не государство. По своему природному назначению государство как раз и является организацией, создаваемой обществом для удовлетворения своих собственных нужд. У государства нет и не может быть иных потребностей, кроме потребностей своего общества. Выходит, что посредством налоговой системы государство принуждает общество платить за то, в чем общество само испытывает острую нужду! Заставляет его **удовлетворять свою потребность под угрозой наказания!**

И это не сюжет антиутопии или фантастического романа, это реальность, в которой мы живем! Реальность, порожденная процветающим в экономической и юридической теории эскапизмом!

Впрочем, в абсурдности нашего мироустройства нет ничего удивительного. Люди веками жили в воображаемой реальности, при этом ни на миг, не сомневаясь в адекватности своих представлений. Из прошлого мы наследуем и «историческую шерсть» (вроде налоговой системы), и традиции иллюзорного мировосприятия (Солнце вращается вокруг Земли и пр.). Но нельзя жить иллюзиями в реальном мире, поэтому путь из прошлого к настоящему устлан прахом отмерших иллюзий.

Избавиться от налогового абсурда можно лишь за счет избавления от самой налоговой системы. И это уже назревшая задача. Уже хотя бы потому, что того требует экономическая практика. Ее история в своей основе, как известно, представляет собой историю последовательной замены принудительных форм организации хозяйственной деятельности формами, основанными на личной заинтересованности. Личный интерес в результатах труда на себя всегда намного производительнее принуждения к труду на кого-то. Принуждение в экономике – уже сегодня, хоть и привычный, но – архаизм. А завтра этот архаизм станет нетерпимым. Налоговая система обречена. Фраза, приписываемая Б. Франклину, будто «налоги неизбежны как смерть», есть не более чем остроумный афоризм. На самом деле часы налоговой системы уже скрипят, готовясь пробить ее последний час.

Но закат ее начнется лишь тогда, когда мысль о необходимости ее устранения проникнет в общество и распространится в нем. А для этого она должна содержать в себе работоспособную идею другого, добровольного, непринудительного механизма финансирования государства. Без государства общество обойтись не может. Поэтому налоговую систему, кормящую государство, нельзя просто запретить, сломать, декларативно упразднить. Она – сначала ее идеология, а затем и ее конструкция, – должна отмереть сама собой, будучи вытеснена из общественной жизни новым порядком содержания государства.

Можно ли уже сегодня предложить такой порядок? Конечно! Да он уже и действует с незапамятных времен. Его простая формула: за то, что человеку нужно, он готов платить. Платить полноценно и добровольно.

Что нужно предпринимателю? Цель его деятельности – извлечение прибыли. Но это цель. А в чем состоит его главная потребность? В **гарантировании** получения этой прибыли. Он создает и ведет свое дело, рассчитывая на нее, но сам не может гарантировать себе ее поступление. Вот эту гарантию и может предложить ему государство. Гарантию **безубыточности добросовестного гражданского оборота**. Страхование его честного дохода. (Подробнее о предлагаемой модели см., например: [3], [4]).

Это страхование должно быть добровольным. Предприниматель должен сам решать, страховать свою сделку или нет. Если он приобретает страховку, то может быть уверен, что в случае недобросовестности партнера все равно получит то, на что рассчитывал. Не от него, так в – денежной форме – из бюджета. При этом страховка может предусматривать даже форсмажорные обстоятельства. Если отказывается от нее, то все риски по сделке принимает на себя. В том числе и риски ее защиты в арбитраже и цену ее защиты. Разумеется, жизнеспособность такой модели будет напрямую зависеть от стоимости страховки. Но и она будет определяться не государством, а самим обществом. Государство же избавится от «головной боли» по поводу наполнения бюджета – деньги, как ни трудно в это поверить, польются в казну самотеком. Впрочем, почему трудно? Именно так они

ляются, например, в кассу магазина, куда человек приходит за тем, что ему нужно. Давление в системе денежного оборота создается спросом. Спрос на **гарантию** получения честного дохода в предпринимательской среде есть, и спрос весьма высокий. Но на него пока нет отклика. Создание предложения, отвечающего ему, как раз и обусловит как денежный самотек в казну, так и естественное отмирание налоговой системы. А это предложение может исходить только от государства, причем, заметим, при разумном подходе к делу, самому государству оно не будет стоить ни копейки.

Крах налоговой системы вызовет «тектонические сдвиги» в экономике. Из Гражданского кодекса придется выгнать весь юридический шлак, вместе с налогами похоронить и всю нормативную мертвечину, связанную с ними. Из всех видов собственности законом будет признана только одна – частная собственность. И она будет защищена не менее строго, чем жизнь гражданина. Любое «отчуждение имущества» частного лица должно будет рассматриваться как преступление и против личности, и против основ общественного строя, будет предусматривать не только «возмещение», но и возмездие, аналогичное наказанию за нанесение ущерба здоровью человека или посягательства на его жизнь. У каждого «юридического лица» появится фамилия, имя и отчество. Они не перестанут существовать как «лица», как организации, но утратят статус собственника, сохранив за собой в том или ином объеме правомочия пользования и распоряжения, а заодно утратив определение «юридическое» в своем имени, сделаются лицами «корпоративными», «организационными», «союзными», «коллективными» и т. п. Современная картина многообразия «юридических лиц», вообще говоря, уж слишком подобна картине трансгендерного садобесия. «Природа создала только два пола – мужской и женский? Не беда! Мы ее поправим, - заявляют идеологи ЛГБТ-«культуры», – мы придумаем еще 20-40-80 полов и уравнием их во всех отношениях с двумя природными!». «В природе существует только один субъект хозяйственной деятельности, один творец всех благ и ценностей – живой, реальный, телесный человек? Этого мало! Мы придумаем еще один-два десятка «лиц», назвав их «юридическими» и наделив их тем же правовым статусом, каким природа наделила реального человека!». Это правовое извращение не может длиться вечно. Реальность заслуживает того, чтобы к ней относились с почтением. Даже юристы.

Очистительному обновлению подвергнется вся хозяйственная деятельность в целом, радикально изменив экономический уклад. Исчезнет теневая экономика – собственнику просто не от кого будет прятаться, бухгалтерия вернется к своему естественному назначению – служить предпринимателю формой учета, а не отчетности – отчитываться он будет должен только перед собой. Обман партнера станет для него страшнее пожара, скрупулезное исполнение условий договора сделается нормой всех хозяйственных отношений, и т.д. Экономика станет поприщем здоровой инициативы людей, местом приложения сил, талантов, воображения, местом реализации надежд, мечты, всей жизни человека, уже никак не подлежащей калькуляции в денежных единицах. Впрочем, она и изначально отнюдь не сводилась к сфере товарно-денежного обращения, а являлась сферой воспроизводства существования человека как человека.

Разумеется, перечислить, а тем более обосновать все перемены, которые произойдут в экономике вследствие избавления ее от налоговой системы в короткой статье невозможно. Да и одному человеку едва ли по силам. Осмыслению этой задачи, равно как бесчисленных коряг и оврагов, лежащих на пути к ее разрешению, составляет предмет долгой и коллективной работы.

Однако одной экономикой дело не ограничится. Ведь речь идет о реформе, связанной с базисом общества, об устранении противоречия между его материальным базисом и всей его идеологической, т.е. не только юридической, но и политической надстройкой.

В этом смысле главным результатом реформы явится то, что, **лишившись налоговой системы, государство утратит материальную власть над обществом.** Из учреждения властвующего, каким оно определяется сегодня во всех источниках, оно превратится в учреждение **служебное**, каким ему определено быть самой его природой и назначением. Из повелителя общества оно обратится в его слугу.

С точки зрения современной теории государства такая перемена просто немыслима. «Это что же выходит? Посмотрит человек по сторонам – а вокруг ни одного начальника? Не может такого быть! Государство – это институт власти. Отнять у него власть – значит уничтожить его. Государство без власти – это общество без государства. Это анархия!» Возражения такого рода представляют собой еще один образчик упомянутого выше культового мышления. Его главная ошибка заключается в отождествлении понятий «власть» и «сила».

Общество нуждается в государстве, причем, не абы-каком, а именно в сильном государстве. Но как понимать это выражение – «сильное государство»? Так ли, что оно может любого скрутить в «бараний рог», по своему произволу запрещать или инициировать любые общественные процессы, движения, манипулировать правами человека? Но такое государство вернее назвать тоталитарным или деспотическим. Судьбы таких государств хорошо известны из истории, в недавнем прошлом мы наблюдали деспотию на примере Камбоджи (Пол Пот), Китая (Мао Цзэдун), на наших глазах разрушительную силу деспотии демонстрирует Украина. Но кто назовет сильными эти государства? На самом деле наименование «сильной» заслуживает та общественная (да даже и механическая) конструкция, которая наилучшим образом отвечает своему назначению. А назначение государства заключается в служении обществу. При этом было бы наивно думать, будто решение задачи наилучшего служения можно доверить самому государству. Будто, отдав всю власть, а заодно и все деньги слуге, можно рассчитывать, что он станет добросовестным, верным и надежным слугой своему хозяину, не оставившему себе никаких возможностей найти управу на него. Скорее, напротив, это ближайший путь к развращению слуги и избавлению его от обязанностей исполнения своего долга. Так что сделать государство сильным – **это задача не государства, а самого общества.** Именно оно должно держать в своих руках средства принуждения государства к полноценному удовлетворению всех своих нужд. Эти нужды известны: защита национальной и индивидуальной безопасности – для чего требуется создание не просто сильной, но сильнейшей армии, гарантирующей от каких-либо попыток внешней агрессии; создание по-настоящему сильных, эффективных органов борьбы с преступностью, всеми видами нарушения законности, когда даже единичный случай нераскрытия преступления становился бы поводом для принятия чрезвычайных мер. То же касается и всех остальных сфер общественных запросов – честной, справедливой системы правосудия, надежной и полностью обеспеченной системы здравоохранения, передовой системы образования, трудоустройства, развития науки, культуры и проч., и проч. А для этого общество должно иметь власть над государством. Общество над государством, а не государство над обществом. Ведь сколько здравых, очевидных решений предлагается в экономике, эффективных реформ, гарантирующих ее рост до 10% в год и даже выше! Почему они никак не реализуются? Почему вместо практического внедрения революционных идей приходится

довольствоваться лишь словесной кашей насчет «необходимости прорывного взлета», «решительного подъема» и радоваться «устойчивому росту в 1,5%»? Не потому ли, что общество с этими идеями стоит перед государством в позе просителя, будучи бессильно принудить его к деятельному служению себе?

Вернуть государство к его природному назначению можно лишь при условии **подчинения его обществу**, когда общество является вовсе не «источником власти» над самим собой (уничжительная ст. 3 Конституции РФ), а **носителем** власти над государством. Государство по необходимости становится сильным только при том условии, когда в его отношениях с обществом власть принадлежит не ему, а обществу. Иными словами, **только безвластное государство может быть по-настоящему сильным**.

Кому-то может показаться, что в народовластии таится опасность охлократии. Опасность таится во всем. Но надо сознавать, что народовластие и охлократия – это режимы не просто разные, но и противоположные по своей сути. Если в толпе тех, кто порою кричит на площади: «Мы здесь власть!», - спросить: «А власть над кем?», - то едва ли они смогут ответить. Наверное, над тем подразделением полиции, которому приказано вытеснить их с площади. «Здесь», где они это кричат, правительства нет, а там, где правительство есть, нет ни их, ни их власти. И у них нет никаких «приводных ремней» для подчинения правительства своей власти. Фактически у них нет объекта приложения своей власти, и оттого нет власти как таковой. Охлократия – это режим порыва, возбуждения, страсти, но вовсе не власти. Там, где толпа, там власти нет вообще. Напротив, народовластие – это прежде всего механизм, процедура, средство. Набор тех самых «приводных ремней», на которых общество, как на вожжах, держит свое государство. Будучи закреплены законом, они образуют институт подлинного народовластия, т.е. реальной, настоящей власти народа над государством, институт, делающий совершенно бессмысленными мятежи на площадях.

У общества, лишённого власти, пребывающего в унижительной, жалкой позиции «источника власти» над собой, такого института нет. Свободному обществу надо будет создавать его «с нуля». Это лишь одно из следствий освобождения от налогового ярма. Строить общество, по сути, придется заново, сообразно его новой властной прерогативе и связанными с ней задачами.

Народовластие – это и есть **демократия**. Как следует из сказанного, в условиях демократии нет государственной власти. Есть «государственные органы», обладающие не «государственной властью», но доверенной им «властью народа» в рамках и на условиях, определенных самим народом, в целях полноценного исполнения возложенных на них функций. Любые случаи превышения своих полномочий, равно как и случаи бездействия, саботажа, бюрократической волокиты, чувствительные хотя бы для одного гражданина, должны подлежать ответственности этих органов. Иначе говоря, за свою деятельность государственные органы должны будут отвечать не перед государством, т.е. не перед самими собой, а перед народом. Нынешнее законодательство и судебный порядок для рассмотрения такого рода коллизий совершенно непригодны. Современную правовую систему придется менять в корне, переписывать ее заново, начиная с Конституции. Это значит, что путь к демократии займет многие годы. Что демократия – это такая форма общественного устройства, которую народам еще только предстоит усвоить и обжить.

Однако многим кажется, что демократия уже победила в некоторых странах, что эти страны должны служить образцом политического устройства для всего мира. И как раз эти страны убеждают человечество в адекватности своего

истолкования демократии силой не только слова, но и оружия. А что при этом предлагается понимать под термином «демократия»? Из лабиринта его дефиниций невозможно выбраться. Это слово – как рудник, разрабатываемый сонмом политологов, философов, публицистов и разного рода витийствующих государственников, выдающих «на-гора» все новые и новые его определения. И не без успеха продающих их на всех углах.

Вот, пожалуйста, либеральная демократия, известная со времен К. Маркса под именем «буржуазная». Или, в новой расфасовке, – неолиберальная. Не желаете? Тогда вот – демократический социализм. Или «народная демократия». Хотите побольше вольностей? Обратите внимание на «низовую демократию». Некоторые мудрецы (скажем, Э. Лакло, Ш. Муфф, С. Жижек) предлагают даже «радикальную демократию». Ищите что-то иное? Тогда выбирайте, у нас широкий ассортимент: антиципаторная, делиберативная, консенсусная, партиципаторная, ликвидная, плебисцитарная, прямая и полупрямая, социалистическая, управляемая (имитационная), ассоциационализм, демократический централизм, демократическая диктатура (демократура), революционная, рыночная, военная (в том числе в смысле Л. Моргана), сотовая, этническая (этнократия), демархия, социократия, социальная, суверенная, деспотическая, автократическая, тоталитарная, популистская – не сомневайтесь, это все демократии. Желаете из старых запасов? Вот вам джефферсоновская. Посвежее? Взгляните на новую (маоистскую). Что-нибудь экзотическое? Пожалуйста – «демократия близкой секунды», «демократия ложного шага», «демократия на миллион долларов» и многое еще в том же роде. Составитель каталога дескрипторов демократии Жан-Поль Ганьон насчитал 2 234 прилагательных, используемых для идентификации ее разновидностей, при этом оговорив, что «у нас нет <...> даже приблизительной оценки количества описаний (т. е. теорий, моделей, определений, концепций, идей, итераций, иллюстраций, практик, названий, рамок, форм и т. д.), которые были приписаны демократии». И что свод его определений включает лишь понятия, полученные индуктивным методом, тогда как «сотни других дескрипторов ожидают открытия <...> с помощью дедуктивного метода» [6. Р. 92-113]

Словом, демократия – едва ли не самый расхожий товар на современном политологическом рынке, хотя никто не знает, что он собою представляет. Все пользуются этим словом, не имея ни малейшего понятия о его значении. Тут к месту вспомнить желание Л. Толстого: «Если бы я был царь, я бы издал закон, что писатель, который употребит слово, значение которого он не может объяснить, лишается права писать и получает 100 ударов розги» [5. С. 438]. Что-то подсказывает, что это слово скоро само отомстит тем, кто использует его как повод для применения розог, и побольнее, чем розгами.

А между тем, определить этот термин совсем не сложно. **Демократия есть форма общественного устройства в отсутствие государственной власти над обществом. Ее главный признак – отсутствие налоговой системы как механизма материальной власти государства над своими гражданами.** Там, где есть налоговая система – там нет демократии. Нет по определению. Нет на корню. Есть то, что правильнее назвать **этакратией, катастазикратией.** Или, более привычно, – **бюрократией.** Именно бюрократический – где-то более, где-то менее бездушный – общественный строй царит сегодня во всем мире.

В настоящее время демократии нет нигде. Вместе с тем, она-то как раз и представляет собой образ будущего человечества.

Наглядное отличие настоящей демократии от ее современных трактовок можно усмотреть в ее лексиконе. В нем не будет, например, понятия «политика». Не будет вообще! Как не будет и связанных с ним выражений: «политическая

партия», «политическая воля», «политические интересы» и т. п. Политика – по определению – есть отношение граждан или общественных групп по поводу власти. Имеется в виду власть, приобретаемая за счет замещения должности во властном государстве. Но в безвластном государстве таких должностей не будет. В его субординированной архитектуре сохранится, конечно, власть дисциплинарная, власть чиновника над чиновником, но именно как над чиновником, а не гражданином. Граждане будут свободны от чиновничьей власти. Отчего в демократическом обществе понятие «политика» просто утратит свой денотат. Исчезнет слово «парламент». Зачем гражданам доверять представлению своих интересов посторонним лицам, если они это смогут сделать сами? Для этого, конечно, нужен соответствующий механизм – еще один механизм, который предстоит создать. Но, скажем, система «перманентного референдума», наверное, уже сможет послужить его прототипом. Забудется выражение «протестное движение». Сегодня многие убеждены в том, что право выйти на улицу в протестующей толпе служит признаком демократии. На самом деле в демократическом обществе протестовать будет не против кого. Государство не сможет издать ни одного закона, ни одного предписания, хоть сколько-нибудь расходящегося с волей самого общества, заявленной, по согласию всех, его большинством. Государство просто переадресует все претензии народу. А протестовать группами на улицах против воли народа бессмысленно. Исчезнет и множество других, столь привычных нам слов и выражений.

Заметим, кстати, что исходя из приведенного определения демократии можно сформулировать нечто вроде критерия демократичности современных стран. Ту из них можно условно считать тем более демократичной, чем большей и искренней поддержкой народа пользуется ее правительство. Критерий, конечно, спорный, но, во всяком случае, в нем нет ханжества оценок, раздаваемых странам глашатаями «свободного мира». Как распределить страны по шкале демократичности – каждый может решить для себя сам.

История человечества есть процесс приращения свободы человека. Этот процесс в своем итоге предопределен даже с большей неотвратимостью, чем любые процессы, описываемые физикой или астрономией. Его ближайший итог – демократия. И первым событием, оповещающим о вхождении в ее царство, станет избавление от налоговой системы.

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

Неизбежность исторических перемен предопределена и ходом эволюционного развития человечества. (Об этом подробнее см. [4]).

Когда-то наш далекий предок спустился с дерева, соблазненный пищевым богатством степи. Дерево его не только кормило, но и защищало от естественных врагов, обитающих как раз в степи и поэтому не развивших в себе ловкость перемещения в ветвях. В степи же нашему предку пришлось с ними встретиться, оказавшись ничем не защищенным. Но лес помог ему в решении и этой задачи, предоставив возможность обзавестись достаточно эффективным оружием в случае атаки врага – палкой. Подходящих – сухих, крепких, увесистых – палок на границе леса и степи найти ему было несложно. Но у палки был свой недостаток. Она служила защитой нашему предку и давала ему возможность сытно кормиться в отдалении от леса, лишь пока удерживалась им в своей лапе. Быть средством постоянной защиты она могла лишь при условии постоянного ношения ее обезьяной с собой. Но передвигаться на четвереньках в траве и кустах вместе с ней было сложно. Пришлось изменить способ передвижения – освоить прямохождение. За счет этого изменился и вектор эволюционного развития нашего предка. Если прежде он, как и все животные, менялся, приспосабливаясь к

условиям среды обитания, то теперь причиной его изменения стала палка, теперь он оказался вынужден приспособливаться к палке, к предмету, им самим вычлененному из этой среды. В этом смысле он вышел из колеи общего животного развития и стал животным особенным, перед которым открывались новые горизонты – стал дочеловеком.

Долгое время спустя на смену палки пришел камень. Он решал ту же задачу, что и палка – обеспечивал лучшие возможности прокорма. Но для этого требовал предварительной обработки. Превращения его в орудие. Казалось бы, совершенно бессмысленная для животного работа – стучать камнем по камню – оказалась занятием, меняющим не только камень, но и мозговую деятельность дочеловека. Держа в лапах камень, он должен был видеть его не таким, каков он есть, а таким, каким хотел его видеть, должен был изменить образ камня в своей голове так, чтобы он соответствовал своему будущему назначению. А для этого, оставаясь на месте и созерцая камень, он должен был представлять себе и будущее действие с ним. Решение такой сложной задачи сначала в голове, и только затем в движении развило в нем зачатки той животной способности к манипулированию образами окружающего мира и трансформации их в соответствие со своими потребностями, которая именуется способностью к идеальному отражению реальности. Развилось до высот, недоступных никакому животному. И если прежде его отношение к внешнему миру, когда он не отличал палку в своей лапе от самой лапы, ощущая ее как продолжение лапы, ее дополнительную силу, имело форму непосредственного отношения («С – О», где «С» - субъект действия, вооруженный палкой, а «О» - объект, на который нацелено действие), то теперь между ним и привлекающим его объектом вторглось орудие. В результате прежнее отношение приобрело опосредованный характер: «С – Оп – О», а наш дочеловек, овладев за счет изготовления каменного орудия способностью к идеальному отражению природы, овладев настолько, что она стала господствующей в его психике, превратился в предчеловека.

На это превращение ушло уже гораздо меньше времени, чем на приобретение бипедализма. Но еще меньше времени понадобилось ему, чтобы открыть для себя, что есть орудие, не просто лучшее, чем камень, но настолько лучшее, что лучше его нет и не может быть ничего в природе. Это орудие – другой предчеловек. Он не требовал какой-то специальной обработки, но, чтобы пользоваться им, нужно было научиться им управлять. Управлять камнем предчеловек мог движением руки. Для управления другим предчеловеком понадобилось слово. Идеальный образ внешней действительности в голове нашего предчеловека, переданный с помощью слова другому предчеловеку и ставший, тем самым, независимым от того, в чьей голове он созрел, т.е. объективированным образом, явился первой мыслью, посетившей нашего предка. А сам этот предок, обзаведясь мыслями, т.е. сознанием и речью, стал человеком.

Вновь изменилась форма его жизнедеятельности. На место орудия заступил человек, и она приобрела вид: «С₁ – С₂ – О». Кто этот «С₂»? Для «С₁» его личность не имеет никакого значения. Он совершенно безразличен субъекту «С₁». Ему важно только то, чтобы с его помощью он мог приобрести вожаемое благо «О». Поэтому в роли «С₂» мог выступать любой член общины, а всякий, кто на самом деле исполнял эту роль, представлял в ней не себя, а выступал олицетворением любого ее члена. Поэтому «С₁», иницируя отношение с «С₂», в его лице входил в отношении со всей общиной – в социальное отношение. И теперь в его руках оказалась производительная сила всей общины! Никогда, ни до, ни после, человек не располагал и не будет располагать более мощным средством удовлетворения своих потребностей. И никогда сообщество наших предков не было спаяно столь крепко, как в этой общине – они оказались связаны

друг с другом настолько же сильно, насколько сильна была в каждом из них нужда в обретении витальных благ. Благодаря этому новая форма существования человека («С₁ – С₂ – О») возобладала над прежней («С – О_р – О»). Возобладала не в том смысле, что вытеснила прежнюю, а в том, что закрепились в качестве базисного отношения людей, определяющего характер почти всех вновь возникающих отношений между ними.

Эта новая форма позволила человеку окончательно выделить себя из окружающей его природы, осознать ее как нечто, отличное от него самого. Такое изменение мировосприятия произошло как раз за счет того, что между всяким человеком («С₁») и внешним объектом («О») встал посредник, другой человек («С₂»), встал, и отделил человека от внешнего мира. Но отношения между самими людьми оставались еще непосредственными (левая часть формулы – «С₁ – С₂»). Поэтому отличать себя от себе подобных в первобытной общине они не умели. И производство, и потребление сохраняло в ней непосредственно коллективный характер. Социальный человек оставался еще человеком неполноценным.

Но еще меньше времени, чем длилась эпоха предчеловека, понадобилось социальному человеку для восхождения на следующую, последнюю ступень своей эволюции – к обретению своей личности, к **самосознанию**. Как и все перемены в его жизни, эта была продиктована ему его практикой. А именно – практикой межобщинного (межплеменного) взаимодействия. Племена встречались, и в случае контакта могли либо обмениваться излишками имеющихся у них продуктов, либо пытаться отнять их друг у друга. И всякой раз социальный человек ощущал себя в необычной для него реальности. В своей общине потреблению какого-либо блага, совершающемуся по принятым в общине обычаям, ему ничто не препятствовало. А зайдя на территорию или в расположение чужого племени, он не мог ни добыть, ни потребить нужное ему благо, не встретив коллективной агрессии чужаков. Равно как и в случае обмена: в своей общине присвоение им какого-либо блага никогда не сопровождалось обязанностью его возмещения, в чужой он не мог приобрести себе ничего из того, что ему было нужно, не отдав что-то свое, тоже нужное ему. Человек другого племени выглядел и вел себя точно так же, как и его соплеменники, от которых он еще не умел себя отличать. Но во всем остальном он был – другой. И этот факт наглядно демонстрировала практика отношения с ним: оно, это отношение, всегда опосредовалось каким-либо объектом (пищевым продуктом, изделием рук чужака, какой-нибудь диковинкой и т.д.), т.е. благом, служащим предметом потребления обеих сторон. Непосредственная связь субъектов, естественная для человека внутри общины, оказывалась разорванной за счет вклинивания в нее этого блага. Человеку пришлось обживать новое отношение: «С₁ – О – С₂». И по мере усвоения его за пределами общины он, возвращаясь в свою общину, невольно приносил его с собой. Уже и в отношении с соплеменником он начинал различать в нем другого, не себя самого, а существо, отдельное от себя. В нем проснулось собственное «Я», он обнаружил в себе личность.

В результате единое племя распалось на множество отдельных человеческих частных. Прежняя – социальная («С₁ – С₂ – О») – форма жизни начала терять свое господство, ей на смену приходила набирающая силу новая – личностная («С₁ – О – С₂»). Форма существования полноценного человека.

С ее становления начинается история человеческой цивилизации. Благодаря свободному обмену создается спрос, стимулирующий производство, которое заряжается энергией личной заинтересованности производителя в приумножении своего никем и ничем не регламентированного благосостояния. Появляются и множатся ремесла, строятся города, заселяемые представителями разных общин, возникает письменность, науки, искусство, словом, все то, что и

составляет содержание понятия «цивилизация». Для нас же в данном случае интересно то, что вследствие обретения человеком самосознания возникло явление, которого прежде не было – имущественные споры. Это было неизбежно, поскольку социальный способ производства («С₁ – С₂ – О») уже содержал в себе отношение по меньшей мере двух человек по поводу некоего ценного для обоих блага. Пока они не умели отличать себя друг от друга, порядок присвоения и потребления этого блага определялся обычаем, принятым в общине. Но когда к ним пришло осознание их отдельности одного от другого, возникла необходимость в создании нового механизма присвоения продукта. Тем более, что по мере роста числа и разнообразия видов производств, особенно в городах, усложнялось и содержание конфликтов, все более выходящее за рамки традиций обычного права. Ответом на эту необходимость явилось возникновение института судейства с функцией учреждения новых правил разрешения споров, правил, становившихся законом. Этот институт положил начало становлению государственности.

Изначально государство содержалось на средства общества, размер и порядок взыскания которых определялись самим обществом (сословиями, территориями и пр.). Это было время известных нам форм исторической демократии. Но однажды оно закончилось, причем, не тогда, когда государство обрело силу принудительного взыскания этих средств – насильственные меры применялись им всегда, в том числе при концентрации ресурсов для осуществления масштабных проектов, – а тогда, когда оно отняло у общества право определения **размера** этих взысканий, присвоив его себе. С этого времени в отношениях общества и государства все перевернулось с ног на голову. С этого времени право частной собственности, на котором прежде строилась вся хозяйственная жизнь общества, оказалось попраным правом собственности государственной. Естественный базис общества подменен искусственным. С этого времени уже не государство содержалось обществом, а общество – государством, самовластно решающим, какую часть общественного продукта оно позволит обществу оставлять себе на свое содержание. Так сложилась налоговая система, ставшая на века оковами исторического прогресса.

Наше время приходится как раз на период наметившегося заката социальной формы существования человека и постепенного становления личностной. Эти две формы не просто различны, но различны в корне, в самом их основании. Анализ их различия может составлять предмет отдельного исследования, а здесь укажем лишь на несколько характерных для них черт.

Первый вопрос, встающий перед человеком, осознавшим свое «я»: «**Ктоя?**» В сущности, это главный вопрос в жизни человека. Он должен понять, кто он такой, чтобы ответить себе, для чего он понадобился природе, в чем смысл его существования. О себе он может думать все, что угодно, но каковы бы не были эти его представления, они всегда окрашены сомнением в их достоверности. Объективным зеркалом человека, вопрошающего себя о себе, может служить только другой человек. Но для этого первый должен предъявить себя другому внешним образом – словом или делом, должен объективировать свое «Я». Должен что-то создать и предложить другому («С₁ – О – С₂»). Не ради вознаграждения, а из потребности в самоопределении. При этом он должен быть совершенно свободен в своей деятельности. Иначе в его продукте отразится не он, а кто-то другой, властвующий над ним. Свободная личность – это всегда создатель, творец, причем, бескорыстный творец.

Социальный человек – это всегда потребитель. И сегодня он остается по своему естеству таким же, каким был когда-то в первобытной общине – существом без личности. В то время его положение в племени определялось

размером тех благ, которые он мог добыть для племени как для себя за счет своей силы и ума. И в современном социальном зеркале отражается не он сам, а совокупность подконтрольных ему благ – его имущественное состояние, его капитал. Личности человека в этом образе нет. Его место в обществе определяется его богатством. Но что может рассказать о личности человека монета в его кармане? В чем можно усмотреть его отличие от другого человека? В числе монет? Но в меновых единицах измеряется товар, а не человек.

Разницу в содержании жизни этих двух эволюционных существ можно определить глаголами: в случае социального существа – «добывать» и «присваивать», в случае личности – «создавать» и «отдавать».

Оба они стремятся к повышению своей значимости в общественной среде. Личность ищет признания, успеха, славы. Власть ему не нужна. Тем более, что в личностном окружении «pari in parem non habet imperium» (равный не имеет власти над равным). Нужен талант. Нужно то, что, исходя от него самого, вызовет притяжение к нему других людей, привлечет к нему их внимание, их отклик, их оценку.

Значимость социального субъекта определяется объемом его благосостояния. Он ищет средства для его приумножения, не брезгуя никакими. Он готов на обман, мошенничество, на любое преступление, его страсть к обогащению подавляет в нем совесть и страх перед разоблачением. Более того, он всегда готов обменять свою свободу на звонкую монету. Его окружение – это «общество потребления», в котором он имеет тем больший вес, чем больший объем благ способен контролировать. Деньги дают ему власть над теми людьми, которые кормятся от его капитала, «с его руки». Но особый блеск капитал приобретает, когда распространяет свою власть над людьми, от него никак не зависящими, когда его власть превращается во власть политическую. Она придает ее носителю ореол исключительности. Идеология завоевания материального превосходства над другим, идеология исключительности, пока она царит в сознании отдельных людей, движет их стремление к карьерному росту. Когда овладевает сознанием нации – становится источником нацизма. Следует сознавать, что нацизм есть философия, органически присущая социальному обществу. Внедрение в сознание людей идеи национального превосходства над другими совершается тем легче, чем успешнее внутри общества признается превосходство человека над человеком за счет превосходства материального состояния.

Заметим попутно, что социальное государство с успехом пользуется «философией исключительности» для усиления своей власти, разделяя общество на части, наделяя маргинальные меньшинства, сколь бы извращенной не была их идеология, как раз из почтения к их «исключительности», правами и свободами в том же объеме, каким обладает «неисключительное» здоровое большинство.

И социальное, и личностное начала живут в каждом современном человеке. Как сохраняется в его природе и все своеобразие прежних форм жизни, приобретенное дочеловеком и предчеловеком. Его эволюция заключается в том, что по мере исчерпания возможностей старых формы существования, он восходит к новой, вынуждающей его менять свое мировоззрение. Социальная форма жизни является вершиной его животной эволюции. Содержанием жизни животного, помимо размножения, является потребление. Все эволюционные изменения, претерпеваемые им, служат решению задачи гарантирования потребления и приумножения его объема. Благодаря освоению социального бытия человек получает в качестве орудия удовлетворения своих потребностей («С₂») все общество, получает производительную мощь всего человечества. За счет этого он достигает предела возможностей животного жизнеобеспечения, его животная

эволюция на этом завершается. Овладев самосознанием, он оказывается перед проблемой личного самоопределения, решить которую средствами социального самоутверждения – добычи, власти – делается невозможным.

Неверно думать, будто потребности человека способны расти бесконечно, а возможности их удовлетворения, даже если иметь в виду возможности человечества, всегда ограничены из-за ограниченности природных ресурсов. Подобным образом иногда определяют экономику. На самом деле человек уже в силу своей телесной конечности, временности бытия и скупости фантазии, достаточно быстро насыщается, а вот ресурсы, которые природа щедро ему предоставляет, поистине беспредельны. Ограничены не они, а человеческая способность ими воспользоваться. Да и нет, и не может быть у него в его социальном естестве потребностей, хоть сколько-нибудь сопоставимых со всеми теми возможностями, которые предлагает ему природа. Шаг к личностной форме существования является революционным в том смысле, что позволяет человеку ступить на путь, уже никак не связанный с эволюцией его животного естества. Отсюда начинается собственно человеческая история. И отсюда начинается то реформирование его мировоззрения, в процессе которого социальные представления, оценки, ценности, критерии постепенно уступают свое господство представлениям, свойственным личности.

Для этого, конечно, требуется немало времени. Нужно, чтобы за счет творчества и изобретательности личностей человечество смогло удовлетворить свои основные потребности. Чтобы в мире не осталось голодных и нищих. Чтобы животное в человеке, наконец, насытилось. Более того, чтобы оно даже и пресытилось. Очень много времени. И лишь затем наступит царство личности. А оно неизбежно. Как не мог человек, приспособившись к орудию, не приобрести сознания и речи, так не может он, приспособившись к обществу в качестве своего орудия, не приобрести свободы, превращающей его в личность. Свобода – атрибут личности. У социального человека только один путь превращения в личность – путь обретения свободы. В том числе и от налогового принуждения, и от государственной власти.

Будущее всегда отличается от настоящего, оно потому и будущее, что совсем не такое, как настоящее. В настоящем оно всегда выглядит чем-то фантастичным. Но всегда наступает. Если в настоящем и есть что-то неотвратимое, то это – будущее.

ИТОГ

На двери в будущее, заглянуть за которую хотел бы каждый, висит большой ржавый амбарный замок. Налоговая система.

Его придется снять.

На этом выводе сходятся оба взгляда на ситуацию: и с точки зрения перспектив исторического прогресса общества, и с точки зрения его эволюционного развития.

И все же в него трудно поверить. «Безвластное государство», «безналоговая экономика», «пресыщенное потреблением общество», «отсутствие политики», «бескорыстное творчество»... Нет, в это невозможно поверить. Уж слишком утопичной выглядит такая картина.

Но давайте будем аккуратны в своих оценках.

Мы восхищаемся гармонией природы. Она являет себя во всем – и в музыке «небесных сфер», и в изумительном совершенстве микроорганизма под стеклом микроскопа. Эта гармония сложилась стихийно, без участия человека. Но что произойдет, если мы его привлечем? Если попробуем подчинить человеку управление какой-либо частью природы, например, муравейником. Пусть этим

человеком будет величайший мудрец и пусть он будет искренне настроен организовать жизнь муравейника самым удобным для самих муравьев образом, исходя из своих представлений об этом. Что получится? Нетрудно догадаться, что уже завтра в муравейнике начнется кавардак, а вскоре он и вовсе исчезнет. Человечество – это, в сущности, такая же часть природы, как и муравейник. На протяжении всей истории люди старались улучшить устройство своей жизни. Строили концепции справедливости, порядка, благоденствия и, насколько могли, воплощали их в законы своего бытия. Воплощали в них свои мечты, надежды и ожидания. Но, созданные человеческим воображением, оторванные от правил жизни, диктуемых природой, эти законы создали мир общественного существования, являющийся попыткой реализации утопии, тот утопический мир, в котором мы и пребываем. Утопия – это как раз то, что мы пытаемся осуществить тысячелетиями. Речь же в статье идет о том, чтобы освободиться, наконец, от утопических иллюзий.

Самая большая ценность общества – человеческая жизнь. Самая большая ценность человеческой жизни – свобода. Это ведь простая, бесспорная истина, внедренная природой в наше естество даже на уровне инстинктов. Свобода – естественное состояние человека. Вернее, естественное состояние всего живого, а в некотором смысле – даже и неживого. Закон, ограничивающий свободу (не произвол, подчеркнем, а именно свободу в истинном значении этого слова), противоречит природе. Так давайте следовать ей, давайте устраним из наших законов все то, что мешает человеку оставаться самим собой. В этой идее нет ничего утопического, она призывает нас вернуться к естественным основам человеческого бытия. Ее суть иначе выражается тоже очень просто: следует отказаться от налоговой системы, от власти чиновника над человеком и строить общественный уклад на основе частной собственности. Следует отказаться от всего утопического абсурда, малая часть из которого упомянута в статье, и не выдумывать себе законы, расходящиеся с этой простой истиной, даже если они нам кажутся наиболее адекватными сложившимся в эту минуту обстоятельствам. Доверимся природе и постараемся осознать, что, хотя под свои законы она и не закладывает какого-либо «теоретического обоснования» или каких-то «научных теорий», она как раз поэтому и не создает никаких утопий.

В реалистичности изложенного может заставить усомниться и то, что уж слишком велика и сложна задача подобного переустройства общества. Но если мы хотим величия своей стране, тогда эта задача как раз подходящего масштаба. Ведь величие достигается только за счет свершения того, что изначально кажется неисполнимым.

Причиной неисчислимого множества бед и проблем, от бытовых до межнациональных, является власть государства над обществом. Власть многоликая, но цементируемая властью материальной, средством осуществления которой и символом которой служит налоговая система. Нетрудно предвидеть, что государство окажет яростное сопротивление грядущим переменам. С тем, что деньги будут утекать из рук, чиновник еще может смириться – ведь деньги государственные. Но власть – привилегия персональная. Расставание с ней для него – событие форсмажорное, и согласиться с ним он будет готов лишь под давлением обстоятельств непреодолимой силы. Но как раз таковой, в конечном счете, и является сила естественного хода человеческой истории.

Колесо истории – оно вертится, подминая все сегодняшнее, заставляя и плакать, и смеяться.

Тот, кто подберет ключ к ржавому замку, кто снимет его, распахнет двери и покажет миру его подлинное будущее – тот и поведет за собой весь мир.

Литература

1. Большая юридическая энциклопедия. – А. Б. Барихин. М.: Книжный мир, 2010. – 960 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Том 4. М. : Политиздат, 1955.
3. Мерцалов В. Л. «Собственность (Образ будущего)» // Журнал философских исследований, т. 6, № 4, Инфра-М, 2020 г.
4. Мерцалов В.Л. Происхождение человека еще не завершено (Логика антропогенеза). СПб. :Алетейя, 2008, 2011.
5. Толстой Л. Н. Письмо Н. Страхову Н. Н., 5 сентября 1878 г. // Полное собрание сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах. Государственное издательство «Художественная литература», 1928-1958. Серия третья «Письма». Том 62, Москва, 1953.
6. Jean-Paul Gagnon (2018). 2,234 Descriptions of Democracy. Democratic Theory, 2018, 5 (1). Pp. 92-113.).